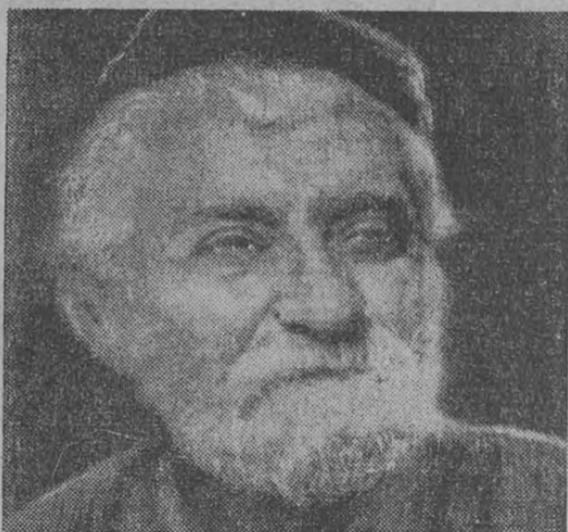

ЕЩЕ ОДИН ОБРАЗ

ЗАРЯ ВОСТОКА
Г. ТЕНЛИСИ

1 2 ИЮЛ 1966

Когда на юбилейном вечере Васо Годзиашвили бойко раскупились буклеты, выпущенные к 60-летию замечательного актера, перед моим взором промелькнула вереница сценических образов, сыгранных им давным-давно, знакомых и навсегда оставшихся в памяти.

Недавно театр имени Марджанишвили показал «Измену» Сумбаташвили-Южина в постановке художественного руководителя театра Г. Лордкипанидзе и режиссера Ю. Какулия. В этом спектакле зрители увидели Годзиашвили в новой роли — простого крестьянина Бесо. Если вспомнить все образы, созданные актером, то нетрудно заметить, что значительную часть их составляют колоритные фигуры крестьян. И, приступая к созданию нового варианта облика старого кахетинца, у актера под рукой как бы находилась отличная палитра красок, которой можно было бы воспользоваться и от которой, по-видимому, нелегко было отказаться.

Но получился отнюдь не «вариант». Актер предстал в совершенно новом качестве. Откуда появились краски, среди которых нет ни одного знакомого «колера»? Откуда эти новые интонации, черточки, жесты, ритмы? Их подсказала богатая актерская фантазия, предел которой, оказывается, непознаваем и после юбилея.

Когда на сцену выходит Бесо, вы невольно заглядываете в программу, чтобы узнать, кто же исполнитель, до того не схоже это со всем тем, что вошло в галерею народных типов, созданных актером. Вот он, Бесо — Годзиашвили, — тихий, безобидный, при всех обстоятельствах жизни не расстающийся с кувшинчиком кахетинского, протягивающий хозяину чашку вина. И, ошарашенный его окриком: «Ты чего, собачий сын, в шапке?», актер поспешно

смахивает с макушки свою крохотную шапочку, мнет ее в руках, теревит, неловко переминаясь с ноги на ногу.

Сначала вы видите, как старый слуга стыдится своей забывчивости, а затем начинаете замечать и еще что-то другое, проглядывающее во всем поведении актера, не сразу понимая, что же это? Неловкость ли мужлана или это бедняк сты-

дится за своего господина, заставляющего челядь поклоняться то Христу, то Аллаху? И как тут не сбиться? Не перепутать, когда снимать или не снимать свою тушинскую шапочку? С изумительным артистизмом передает Бесо — Годзиашвили скрытую издевку смекалистого мужика над ренегаатиствующим патроном.

Столь безобидный поначалу на вид «старикашка» оказывается дьявольски хитер. Ох, и достаётся же от этой «старой бестии» безродным проходимцам всех мастей! Но что с него взываешь? Он какой-то неподступный, неуязвимый, как бы гуттаперчевый.

До поры до времени он терпит захватчиков и, можно подумать, поливает себе вино из своего «тики», и все. Но на самом деле это не так. Он один из первых чувствует приближение долгожданного часа возмездия, двигается в путь и, подхватывая бурдючок, сигналит песней:

Орбельян подходит с юга
Арьярале,
Стал Сумбат у Соганлуга
Тарьярале,
Из большой реки заморской
Арьярале,
Шлет нам помощь царь
московский
Тарьярале.

Это отрывок из песни исторической драмы-легенды. Ну, а как «процитировать», как передать интонацию актера, в которой чувствуется и душа горниста перед боем, и осмотрительность разведчика, и голос патриота, предвкушающего близкую победу, и высокая надежда на торжество справедливости...

Передо мной альбом лучших ролей народного артиста Советского Союза Василия Давидовича Годзиашвили. Теперь он будет казаться неполным, пока в нем не появится старый, добрый, неунывающий Бесо, неотделимый от родной земли и биографии великодушного актера.

М. ГИЖИМКРЕЛИ.